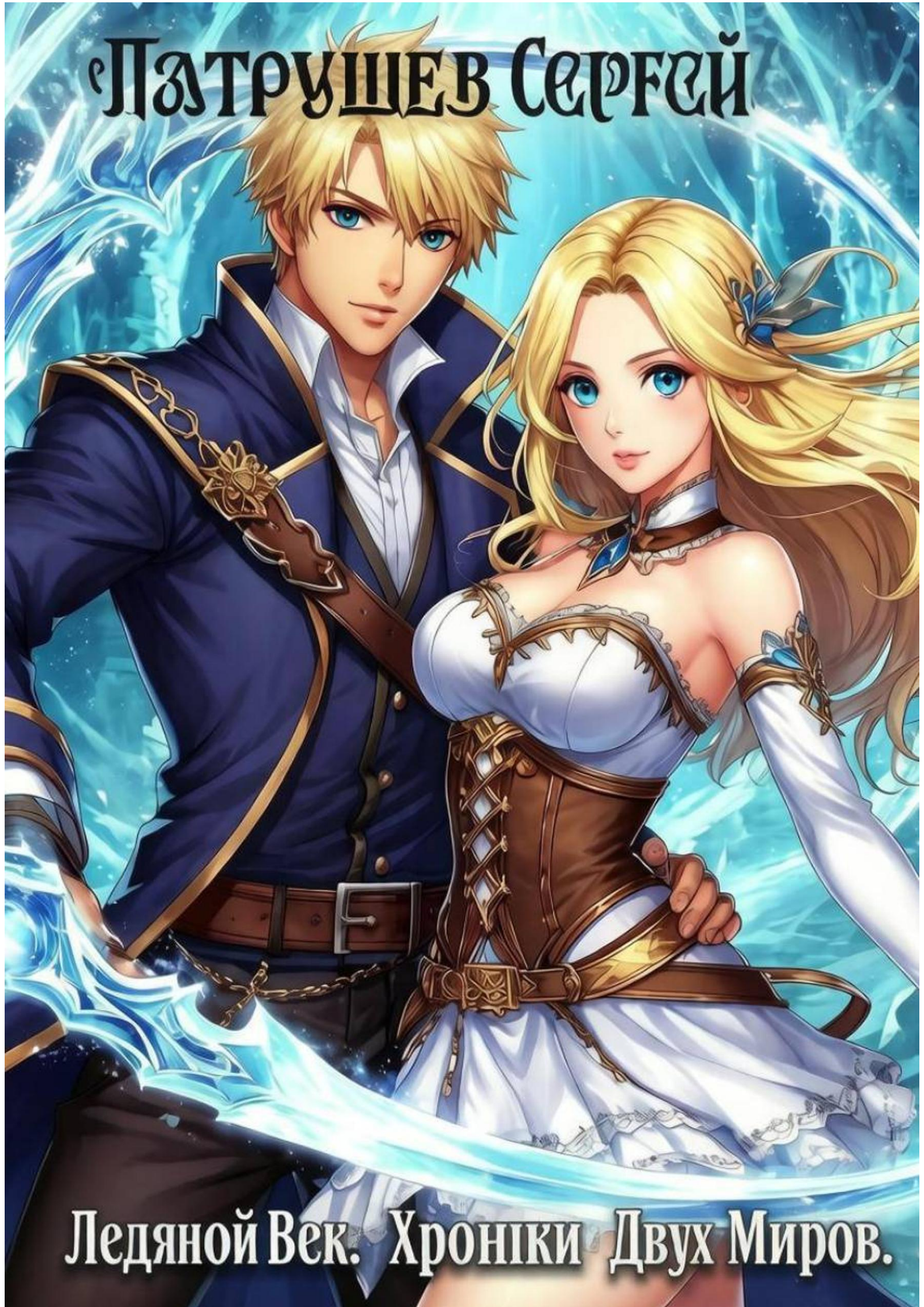

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

Ледяной Век. Хроніки Двух Миров.

Сергей Патрушев

Ледяной Век.
Хроники Двух Миров

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ледяной Век. Хроники Двух Миров / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Когда офисный холод становится оружием, а цифры заменяют молитвы. Максим — баг в системе мироздания, «Изломанный» с интерфейсом игрока. В мире магии он ошибка, которую хотят стереть. Но его абсолютный ноль способен заморозить даже саму смерть. Вместе с Кристиной, жрицей-изгнанницей, они бросают вызов Древним Богам и собственным демонам. Это история о том, как найти человечность, превратившись в ледяную легенду.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свет во тьме	5
Глава 2. Первый вдох магии	10
Глава 3. Выживание в лесу Вечных Теней	16
Глава 4. Свет среди тьмы	23
Глав	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Патрушев

Ледяной Век. Хроники Двух Миров

Глава 1. Свет во тьме

Шум мегаполиса не исчезал никогда. Он лишь менял тональность, подстраиваясь под время суток. Днем это был глухой, давящий на барабанные перепонки гул бетонного океана, прорезаемый визгом тормозов и сиренами скорых. Ночью к нему добавлялся пульсирующий бас из подпольных клубов в подвалах бывших доходных домов и нервный вой ветра, застрявшего между стеклянными небоскребами-бритвами. Шедоу жил внутри этого шума так долго, что перестал его замечать, превратив фоновый стресс в часть собственной физиологии.

Его звали Максимом, но имя давно стерлось из памяти даже старых друзей. В двадцать восемь лет он стал Шедоу — бледной, сутулой тенью самого себя, запертой в клетке из стекла и бетона на сороковом этаже архитектурного бюро. Его жизнь состояла из дедлайнов, остывшего кофе в бумажном стаканчике, синего свечения монитора, выжигающего сетчатку, и бесконечных правок заказчика, который сам не знал, чего хочет. Сон превратился в короткий обморок, еда — в топливо, а выходные — в попытку проспать двое суток подряд, чтобы в понедельник снова провалиться в ту же серую воронку.

В эту субботу будильник прозвенел не для того, чтобы разбудить. Он просто напомнил о существовании времени. Шедоу сел на скомканные простыни, посмотрел в окно, где соседняя высотка закрывала собой половину неба, и понял, что если проведет еще один день в этих стенах, то сойдет с ума или превратится в пыль, которую уборщица сметет вместе с крошками от доставки пиццы.

Решение пришло внезапно, пугающе ясное, как озарение перед прыжком с крыши. Он не поехал в торговый центр и не открыл ноутбук. Он достал с антресолей старый туристический рюкзак, сунул туда бутылку воды, пару протеиновых батончиков, которые покупал для спортзала, но ни разу там не съел, надел единственные целые кроссовки и вышел из квартиры.

Спустившись на лифте в подземный паркинг, пахнувший сыростью и резиной, он арендовал каршеринг — потрепанный седан неопределенного цвета. Навигатор услужливо предложил маршрут до ближайшего загородного парка. Шедоу вбил координаты случайной лесной чащи в ста километрах от города, место, куда туристы добирались редко, предпочитая оборудованные зоны с мангалами и биотуалетами.

Дорога вытягивала из него городскую усталость. Первые тридцать километров он все еще слышал рев моторов и представлял недовольное лицо арт-директора. На пятидесятом километре пейзаж начал меняться. Бетон сменился полями пожухлой осенней травы, а рекламные щиты — редкими покосившимися столбами электропередач. К девяностому километру асфальт закончился, уступив место плотно укатанной грунтовке.

Лес встретил его запахом прелой листвы, хвои и влажной земли — ароматом настолько густым и настоящим, что у городского жителя закружилась голова. Воздух здесь имел плотность. Им можно было дышать, а не фильтровать его легкими, как отравленный смог.

Шедоу бросил машину прямо на обочине, включив аварийки скорее по привычке, чем из страха, что кто-то ее эвакуирует. Здесь не было камер. Не было пешеходов. Не было никого. Тишина ударила по ушам сильнее любого грохота стройки. Она была живой: она шуршала ветром в кронах вековых сосен, скрипела старым стволом где-то в глубине и перекликалась далеким стуком дятла.

Он шел без тропы. Под ногами пружинил толстый ковер из опавшей хвои и мха. Солнечные лучи пробивались сквозь плотную зелень золотыми копьями, в которых танцевали мири-

ады пылинок. Впервые за пять лет плечи Шедоу опустились ниже уровня ушей. Мышцы шеи, сведенные судорогой вечного напряжения у компьютера, начали медленно расслабляться. Он дышал глубоко, жадно, словно пытался надышаться этим воздухом впрок, забрать его с собой обратно в душную квартиру.

Часы на запястье показывали три часа дня, когда эйфория начала спадать. Городской житель плохо чувствует пространство. Шедоу оглянулся и с легким холодком осознал, что совершенно не понимает, в какой стороне оставил машину. Солнце висело высоко, не давая подсказки, а деревья казались абсолютно одинаковыми. Паника кольнула грудь ледяной иглой, но быстро отступила. Ему было почти все равно. Заблудиться здесь казалось более честным исходом, чем вернуться в офис.

Он пошел дальше, ведомый странным инстинктом. Лес становился темнее и старше. Сосны-великаны сменились корявыми дубами и вязами, чьи корни выпирали из черной, жирной почвы, похожие на скрюченные пальцы мертвецов. Воздух похолодал градусов на пять, хотя ветра не было. Птицы смолкли. Даже вечно жужжащие насекомые исчезли. Наступила та самая абсолютная, звенящая тишина, которая бывает только в самых древних, нетронутых уголках природы.

Именно тогда он увидел свет.

Между двумя массивными стволами дуба, там, где земля круто уходила вниз оврагом, воздух дрожал. Сначала Шедоу принял это за марево от жары, но октябрьский лес не мог давать такого эффекта. Дрожь становилась интенсивнее. Пространство искажалось, как линза в воде. А затем проявился цвет. Это не был обычный свет фонаря или солнца. Это было жидкое стекло, переливающееся всеми оттенками спектра сразу — от глубокого фиолетового до болезненно-зеленого и рубиново-красного. Портал напоминал идеально круглую дыру в реальности, края которой были оплавлены, словно ткань мироздания прижгли зажигалкой.

Рациональная часть мозга Шедоу, привыкшая сводить дебет с кредитом и объяснять любые аномалии законами физики, тут же выдала диагноз: тепловой удар, гипоксия, начало острого психоза. Галлюцинация. Нужно сесть, выпить воды и подождать, пока нейролептики собственного организма сделают свое дело.

Но другая часть — древняя, животная, та самая, что заставляла первобытных людей совать голову в пещеру, откуда пахло дымом, — кричала иное. *Иди.*

Любопытство оказалось сильнее страха. Оно всегда побеждало страх смерти, потому что смерть — это конец, пустота, отсутствие ощущений. А любопытство обещало знание. Новое чувство. То, ради чего люди прыгают с парашютами, лезут в кратеры вулканов и пишут отчаянные сообщения бывшим.

Шедоу сделал шаг вперед. Земля под ногой была твердой и реальной. Мох, кора дерева, шершавая поверхность камня — все имело четкую текстуру. Он протянул руку. Пальцы прошли через границу портала легко, без сопротивления, но ощущение было омерзительным. Словно он окунул кисть в густой кисель из статического электричества и замерзшего металла. Кожа мгновенно потеряла чувствительность, а по предплечью вверх рванули тонкие нити холода.

— Черт, — выдохнул Шедоу, но звук поглотился пространством. Звуковая волна завязла в радужной пленке, как муха в янтаре.

Он наклонился ближе, пытаясь заглянуть внутрь. Там не было комнаты, леса или космоса. Там была концепция. Хаос чистых геометрических форм, вращающихся с невозможной скоростью, фракталы, растущие друг из друга, и этот самый переливающийся свет, который невозможно было созерцать долго — мозг отказывался обрабатывать визуальную информацию, выдавая ошибку «файл поврежден».

Словно замороженный движением змеи кролик, Шедоу перенес вес тела на ногу, стоящую уже за границей реального мира.

Реальность схлопнулась беззвучно. Не было вспышки, удара или падения. Просто давление воздуха исчезло. Гравитация отпустила. Он почувствовал себя перышком в невесомости, которое вдруг резко дернули за невидимую нить. Мир перевернулся трижды, зрение затопило слепящее белое ничто, а потом затылок встретился с чем-то твердым, угловатым и очень недружелюбным. Сознание выключилось быстрее, чем перегоревшая лампочка.

Пробуждение было похоже на всплытие со дна Марианской впадины. Давление возвращалось постепенно. Сначала пришла боль — тупая, пульсирующая агония в основании черепа. Затем запах. Резкий, сладковатый, металлический, похожий на кровь, смешанную с озоном после грозы и почему-то с корицей.

Шедоу открыл глаза.

Небо над ним было нефритовым. Глубоким, глянцевым, без единого облака и без солнца. Источник света находился везде и нигде одновременно — сама атмосфера излучала мягкое, рассеянное изумрудное сияние, отчего тени становились мягкими, бархатными, почти осязаемыми.

Он лежал на земле, но земля эта ощущалась иначе. Гравитация определенно присутствовала — прижимала его к почве, не давая взлететь, — но коэффициент тяготения изменился. Шедоу чувствовал себя необычайно легким. Приподнявшись на локтях, он совершил ошибку новичка: оттолкнулся слишком сильно. Его тело взмыло в воздух гораздо выше, чем планировал разум, и он неловко приземлился на бок, прокатившись по пружинящему ковру из серебристого мха.

Это был тот же лес, но прошедший через калейдоскоп безумного художника. Деревья сохранили общую форму дубов и вязов, но их кора отливала медью и имела фактуру застывшего расплавленного металла. Листья были не зелеными, а темно-лиловыми, полупрозрачными, и сквозь них просвечивали те самые нефритовые небеса. Трава под пальцами оказалась мягкой, как мех шиншиллы, и при каждом прикосновении издавала тихий, мелодичный звон, похожий на хрустальный перезвон.

Воздух искрился. Буквально. В лучах зеленого света плавали микроскопические золотистые пылинки, которые кружили в сложных танцах, игнорируя законы аэродинамики. Магия. Другого слова у Шедоу не было. Его аналитический ум сдался окончательно, капитулировал перед сенсорной перегрузкой. Он больше не пытался найти логическое объяснение. Он просто принимал данность: он упал в портал, ударился головой и теперь находится либо в коме, либо в другом мире.

Холод отрезвил его эффективнее любых доводов рассудка. Температура здесь была близка к нулю, а легкий костюм айтишника совсем не спасал от пронизывающей сырости. Шедоу поднялся на ноги, отряхивая с колен серебряную пыльцу. Нужно было понять, где он, и есть ли отсюда выход. Тот портал, через который он вошел, бесследно исчез. За спиной возвышалась сплошная стена переливающегося багрового кустарника.

Желудок свело спазмом голода. Протеиновые батончики остались в рюкзаке, который каким-то чудом слетел с плеча при падении, но валялся рядом. Шедоу наклонился за ним, и именно это движение спасло ему жизнь.

Над головой раздался влажный, чавкающий звук. Что-то тяжелое и быстрое обрушилось сверху, врезавшись в землю ровно в том месте, где секунду назад находилась его макушка.

Шедоу отпрыгнул назад, поскользнувшись на мхе, и вскинул голову. Прямо над ним, зацепившись толстым стеблем за нижнюю ветвь металлического дуба, висело растение. Огромный цветок, размером с автомобильное колесо, хищно пульсировал. Его лепестки, похожие на зазубренные лезвия обсидиана, медленно раскрывались, обнажая пурпурную, сочащуюся слизью пасть, усаженную тысячами тонких, шевелящихся иголок-тычинок. Из центра цветка капала густая черная жидкость, разъедающая почву с тихим шипением.

Растение издало новый звук — высокий, вибрирующий свист, от которого заломило зубы. Тычинки выстрелили вперед, как гарпуны. Одна из них вонзилась в ствол дерева в сантиметре от головы Шедоу, намертво прищиплив кусок коры. Яд на кончике иглы зашипел, превращая древесину в серый пепел.

Адреналин выжег остатки городской апатии. Рефлексы, закаленные годами уворачивания от велосипедистов на тротуарах и агрессивных менеджеров в опен-спейсе, сработали сами. Шедоу не стал бежать по прямой — он прекрасно помнил школьные уроки биологии про росянку. Хищное растение бьет туда, где жертва будет через долю секунды.

Он метнулся зигзагом, нырнув под нижние ветви кустов. Позади раздался оглушительный хлопок — бутон захлопнулся, поймав вместо человека струю нефритового света. Разочарованный свист перешел в утробное рычание.

Земля под ногами заходила ходуном. Шедоу обернулся на бегу и замер, чувствуя, как мочевого пузыря предательски сжимается.

То, что он принял за живописную группу огромных папоротников в двадцати метрах впереди, пришло в движение. Стебли не качнулись — они *переступили*. Корневая система, огромная, спутанная масса толщиной с человеческое туловище, вырвалась из земли с треском ломаемых камней. Растение выпрямилось во весь рост, оказавшись высотой с трехэтажный дом. У него не было лица, глаз или пасти. Был только центральный ствол, покрытый грубой, пластинчатой броней, и венчающий его «бутон» — сплетение из десятков подвижных лоз, каждая из которых заканчивалась костяным серпом.

Древесный титан издал низкий гул, от которого заболели кости, и тяжело шагнул вперед. Земля просела под его весом. Он двигался целенаправленно, неумолимо, загоняя мелкого двуногого нарушителя к той самой стене красного кустарника.

Мысли метались в голове Шедоу испуганными птицами. Оружия нет. Камни? Он попытался поднять с земли увесистый булыжник, но тот рассыпался в пальцах горсткой черного песка. Физическая материя этого мира подчинялась другим законам.

Цветок-автомобиль позади снова плюнул ядовитыми иглами. Одна из них прошла рукав куртки Шедоу, едва не задев плечо. Ткань в месте попадания задымилась и начала растворяться.

Нужно было двигаться. Любой ценой. Животный ужас требовал одного — бежать сломя голову, пока легкие не лопнут. Но Шедоу заставил себя остановиться на долю секунды. Он зажмурился, отсекая панику, и вспомнил карту метро своего родного города. Если ты запутался в лабиринте, нужно перестать следовать за потоком толпы. Нужно идти против шерсти.

Титан замахнулся одной из своих серпастых лоз, намереваясь прихлопнуть назойливую букашку. Шедоу не отскочил назад. Вместо этого он бросился *вперед*, прямо под опускающуюся конечность чудовища. Время замедлилось. Он видел каждое волокно на исполинской лиане, капли липкого сока, стекающие по костяному лезвию.

Он упал на спину и кубарем прокатился по низкой поросли прямо между широко расставленных корней-ног гиганта. Запах гниющей органики и озона ударил в нос. Над головой со свистом разрезали воздух серпы. Лоза вонзилась в землю позади него, подняв фонтан серебряного мха.

Шедоу оказался под брюхом ходячего растения. Это было временное спасение — гигант мог просто упасть на него всем весом. Но сейчас монстр потерял цель из виду. Ствол повернулся, ища добычу, и задел своим корпусом тот самый бордовый кустарник.

Кустарник ответил.

Стена растений, казавшаяся декорацией, взорвалась движением. Багровые ветки молниеносно, как атакующие кобры, метнулись к древесному титану. Они обвинили его опорные корни, руки-серпы, центральный ствол. Послышался отвратительный звук рвущейся бронированной коры и сдавленный механический вопль гиганта. Красный кустарник не просто хватал — он

пил. Багровые побеги набухали на глазах, приобретая здоровый малиновый оттенок, в то время как титан стремительно серел, сох и покрывался глубокими трещинами. Хищники делили территорию и случайно попавшегося между ними человека.

Воспользовавшись секундным замешательством обоих флоральных колоссов, Шедоу вскочил на ноги. Он бежал не к машине, местоположение которой было неизвестно, и не вглубь леса, где наверняка водились твари побольше. Он бежал перпендикулярно линии атаки, петляя между деревьями, используя свою легкость в этой измененной гравитации. Каждый толчок стопы подбрасывал его выше, позволяя преодолевать поваленные стволы одним длинным прыжком.

Сердце билось где-то в горле. Легкие горели огнем, непривычные к такому количеству чистого, насыщенного магией кислорода. Ветки цеплялись за волосы, оставляя на лице царапины. Серебряный мох пел погребальную песнь под его кроссовками.

Он выскочил на небольшую прогалину, окруженную высокими скалами из черного кристалла. Место казалось чуть более безопасным — открытое пространство позволяло видеть врага заранее. Шедоу рухнул на колени за огромным валуном, пытаясь восстановить дыхание. Руки тряслись крупной дрожью. Куртка была разорвана, на скуле саднила свежая рана, полученная при падении.

Город остался в другой вселенной. Дедлайны, шум машин, синий свет монитора — все это казалось сном, глупой фантазией. Реальностью был только этот черный камень, отдающий холодом в ладони, нефритовое небо и осознание того, что любая травинка в этом лесу способна убить его сотней способов прежде, чем он успеет моргнуть.

Свет во тьме мегаполиса был искусственным и мертвым. Здесь же свет был живым, опасным и пропитанным древней, равнодушной силой. И Шедоу, обычный уставший парень, потерявшийся между этажами собственной жизни, впервые за долгие годы почувствовал себя абсолютно, кристально трезвым. Страх никуда не делся, он сидел в животе тяжелым льдом, но поверх него нарастала кое-что другое. Чистое, незамутненное выживание. Глава первая его старой жизни закончилась ударом затылка о корень. Глава вторая начиналась здесь, в лесу, пахнущем озоном, кровью и корицей, под аккомпанемент чавканья двух плотоядных лесов, переваривающих друг друга в полукилометре от него.

Глава 2. Первый вдох магии

Тишина, наступившая после отгремевшей битвы флоральных титанов, была обманчивой. Она не несла покоя — она звенела от напряжения, как перетянутая струна за секунду до разрыва. Шедоу сидел, вжавшись спиной в холодный кристаллический валун, и пытался унять дрожь в коленях. Мышечная память городского жителя отказывалась работать: ноги, привыкшие к ровному асфальту и мягким ковролинам офиса, ныли от непривычной работы икроножных мышц, которые только что спасли ему жизнь десятком отчаянных прыжков.

Его рот пересох так сильно, что язык прилипал к небу. В горле скребло, словно он проглотил горсть битого стекла. Организм, отравленный годами недосыпа и растворимого кофе, сейчас требовал воды с первобытной, животной настойчивостью. Жажда вытеснила даже страх перед хищными растениями.

Шедоу заставил себя разжать онемевшие пальцы. На ладонях остались глубокие красные следы от впившихся ногтей. Он осторожно выглянул из-за валуна. Прогалина была пуста, если не считать оседающей серебристой пылицы мха. Черные скалы полукругом закрывали это место, создавая подобие естественного амфитеатра. Это было одновременно и укрытием, и потенциальной ловушкой — отсюда был только один путь назад, через ту самую чашу, где два исполинских растения продолжали свою трапезу. Низкий, утробный хруст перемалываемой древесины периодически сотрясал землю.

Нужно двигаться. Вода сама в рюкзак не нальется.

Он подтянул к себе старый туристический рюкзак. Молнии заклинило от удара, пришлось рвать ткань. Внутри обнаружился жалкий паек побежденного цивилизацией человека: две помятые бутылки минеральной воды без газа, три протеиновых батончика в надорванных обертках и пауэрбанк, который здесь был абсолютно бесполезен.

Вода закончилась быстрее, чем он успел осознать ее вкус. Две глотка холодной влаги лишь раздражили горло. Батончики пахли химией и казались картоном. Шедоу съел половину одного, заставляя себя жевать медленно, чтобы желудок не взбунтовался от резкой смены диеты, но тревога гнала его вперед. Оставив рюкзак под защитой камня, он решил осмотреть периметр скал в поисках ручья или хотя бы лужи со стоячей водой.

Гравитация этого мира продолжала играть с ним злые шутки. Сделав шаг в сторону, Шедоу оттолкнулся чуть сильнее обычного, рассчитывая просто переступить через корень. Его тело взмыло вверх почти на метр. Пытаясь сгруппироваться в воздухе по старой памяти уроков физкультуры, он неуклюже приземлился на четвереньки, пропахав носом серебряный мох. Мох возмущенно зазвенел высоким тоном.

— Тише ты, — шикнул на него Шедоу, озираясь.

Звук собственного голоса показался чужим и слишком громким. Эхо лениво отразилось от черных скал и умерло в лиловой листве.

Обходя основание самой высокой скалы, похожей на гигантский коготь, он заметил влажный блеск. Узкая расщелина между камнями сочилась влагой. Капли падали вниз, собираясь в небольшое углубление в камне, размером с суповую тарелку. Это была не вода — густая, вязкая субстанция янтарного цвета источала сильный аромат меда, корицы и чего-то еще, химического, напоминающего запах больницы.

Жажда боролась с инстинктом самосохранения. Городской опыт подсказывал: неизвестная жидкость яркого цвета в лесу обычно ядовита. Но этот же лес минуту назад пытался сожрать его заживо, а значит, стандартные правила больше не действовали. Возможно, здесь яд — единственный способ дезинфекции.

Шедоу опустился на колени. Он окунул палец в янтарную лужицу. Слизь оказалась теплой, пульсирующей, живой. Она мягко светилась изнутри золотистым светом. Поднеся палец к лицу, он уловил пульсацию — жидкость билась в такт чему-то скрытому глубоко под землей.

Решившись, Шедоу зачерпнул немного жидкости сложенными ладонями. Она не стекала сквозь пальцы, а держалась единым комком, как ртуть. Запах стал концентрированнее, ударяя в голову сладкими парами. Закрыв глаза, он сделал крошечный глоток.

Ожидание ожога или судорог не оправдалось. Вместо этого по пищеводу прокатилась волна абсолютного, оглушительного тепла. Оно не обжигало — оно наполняло. Тепло спустилось в пустой желудок, растеклось по венам жидким солнцем и ударило в мозг. Зрение Шедоу резко обострилось. Цвета стали невыносимо яркими: фиолетовые листья вспыхнули неоновым огнем, нефритовое небо приобрело глубину океана, а каждая трещинка на черной скале стала видна с пугающей четкостью. Усталость испарилась. Тело наполнилось энергией такой плотности, что казалось, если он подпрыгнет сейчас, то пробьет дыру в этом самом небе.

Это была не вода. Это был концентрат жизни. Нектар.

Эффект длился недолго. Через пару минут эйфория сменилась легким головокружением, но жажда исчезла полностью. Более того, тупая боль в затылке от удара о корень тоже прошла, оставив лишь фантомное эхо. Шедоу зачерпнул еще порцию нектара, плеснул на ладонь и протер саднящую царапину на скуле. Рана мгновенно стянулась, покрывшись тонкой пленкой перламутровой слюды.

Теперь нужно было найти еду посерьезнее. Протеиновый батончик организм отвергал на клеточном уровне. Глядя на переливающиеся деревья, Шедоу впервые задумался о том, съедобны ли они. Местная экосистема явно работала по принципу «все жрут всех».

Он выбрал ветку ближайшего куста с листьями, напоминающими мяту, но светящимися бледно-голубым. Лист издавал тонкий аромат лимона. Шедоу сорвал его, понюхал. Выглядит безопасно. Он положил лист на язык.

Вкус оказался... информационным. Сначала пришла нота цитруса, затем — привкус озона, а потом Шедоу вдруг *узнал* вкус. Он понял, что растение называется «Слеза луны», что оно накапливает влагу из воздуха, и что его сок является слабым антидотом против спор красной плесени, которая растет во впадинах гниющих деревьев. Информация просто возникла в голове, загруженная напрямую в сознание вместе со вкусом. Лес начал говорить с ним, минуя слова.

Пока он стоял, осмысляя этот странный сенсорный опыт, земля едва заметно завибрировала. Звук был низким, ритмичным. Топот.

Шедоу замер, прислушиваясь. Один тяжелый удар о почву. Пауза. Три быстрых удара. Пауза. Это не было похоже на шаги древесного титана. Это была координация. Охота.

Из-за ствола медного дуба бесшумно выступила первая тень.

Она была размером с крупную немецкую овчарку, но сходство на этом заканчивалось. У существа была вытянутая, почти змеиная морда, лишенная шерсти. Кожа — если это можно было назвать кожей — выглядела как черный вулканический обсидиан, гладкий и поглощающий свет. Из широких суставов лап торчали костяные лезвия, которые втягивались и выпускались с тихим щелчком металла. Но самым жутким были глаза. В глубоких глазницах не было белков — там плескалось чистое бело-синее пламя холодного неона.

Волчий альфа принялся. Его голова сделала несколько коротких, механических движений. Затем из пасти вырвался звук, средний между рычанием и скрежетом точильного камня.

Один превратился в троих. Они материализовались из теней деревьев, расходясь веером и беря Шедоу в клещи. Их движения были пугающе синхронными, выверенными до миллиметра. Ни одна травинка не шелхнулась под их лапами. Они не бежали — они скользили над землей, используя измененную гравитацию для бесшумного скольжения.

Разум Шедоу отключился. Миллионы лет эволюции взяли верх над дипломом магистра экономики. Древняя прошивка мозга «хищник загоняет жертву» сработала безупречно.

Бежать к скалам — зажмут в углу. Бежать на открытое пространство — догонят за секунды благодаря своим механическим лапам. Единственный шанс — использовать рельеф.

Шедоу рванул вправо, прямо на вожака, заставив того удивленно клацнуть челюстями. За долю секунды до столкновения Шедоу упал на бок и кубарем перекатился под брюхом зверя, чувствуя, как ледяной воздух вокруг обсидиановой шкалы вымораживает кожу.

Он вскочил на ноги уже за спинами стаи. Временное преимущество. Нужно петлять.

Лес превратился в полосу препятствий. Шедоу прыгал через поваленные стволы, уходил в заносы на мягком мхе, молясь, чтобы аномальная легкость тела не сыграла с ним злую шутку в самый ответственный момент. Позади раздавался тот самый ритмичный топот. Волки играли с ним. Им не нужна была скорость, чтобы поймать его; им нужно было удовольствие от погони. Они отрезали пути к отступлению, выдавливая его обратно к центру прогалины, подальше от защитных камней.

Легкие начали гореть. Энергия нектара стремительно выгорала в мышцах. Сердце кололось о ребра, пытаясь проломить грудную клетку. Бок закололо острой болью. Еще сто метров, и он рухнет от истощения.

Первый волк совершил ошибку нетерпения. Он решил сократить дистанцию и пошел наперерез, планируя перехватить добычу у большого скопления кристаллов. Он выпрыгнул из-за пурпурного папоротника, целясь клыками прямо в сонную артерию Шедоу.

Время снова замедлилось. Шедоу видел каждый отблеск синего огня в глазах твари, каждую каплю темной слюны, срывающуюся с клыков. Инстинкт кричал: «Умри! Замри! Падай!» Но вместо этого внутри головы что-то щелкнуло.

Всю свою сознательную жизнь Шедоу взаимодействовал с интерфейсами. Нажимал кнопки, двигал курсор, отдавал команды системе. Сейчас, на краю гибели, его перепуганный до смерти разум воспринял реальность именно так. Перед внутренним взором мелькнул прозрачный, сотканный из света прямоугольник. Полоса загрузки. Индикатор ресурса. И слово, возникшее из ниоткуда, выжженное прямо на сетчатке:

[криокинез][активация: инстинктивная][цель: объект на траектории атаки]

Руки сами собой взлетели вперед. Ладони раскрылись навстречу летящей смерти. Шедоу не думал о формулах, температуре замерзания воды или структуре льда. Он просто захотел, чтобы эта черная зубастая мерзость *остановилась*. Прямо сейчас. Навсегда.

Пространство перед его руками сгустилось. Воздух застыл. Из центра ладоней вырвался не поток холода, а мгновенный фазовый переход. Атмосфера на пути прыжка волка превратилась в плотный, белый иней.

Но этого оказалось мало. Магия хлынула из солнечного сплетения — того самого места, куда пришелся выброс энергии от нектара — мощным, неконтролируемым потоком. Холод перестал быть просто погодным явлением. Он стал материей.

Прямо в воздухе, между Шедоу и оскаленной мордой, начала формироваться конструкция. Линии белого света прочертили геометрию: плавный изгиб дуги, натянутая тетива, цилиндрическое древко. Материализация шла с оглушительным треском лопающегося от мороза воздуха. Стрелы не было — она рождалась из чистой концептуальной воли, уплотняя воду, содержащуюся в газе, в идеальную геометрическую форму.

Волк врезался в невидимую преграду. Обсидиановая шкура столкнулась с температурой абсолютного нуля. Раздался звук, с которым ломается закаленное стекло. Передняя часть туловища животного мгновенно покрылась толстой коркой черного льда. От чудовищного температурного контраста кости внутри зверя хрустнули. Неоновые глаза потухли, превратившись в мутные белые бельма. Волк рухнул на спину, проехавшись по мху массивной ледяной скульптурой, и рассыпался на тысячи мелких, звенящих осколков.

Шедоу смотрел на свои руки, не веря глазам. Кончики пальцев онемели до полной потери чувствительности и приобрели цвет синяка. По запястьям полз морозный узор, похожий на татуировку.

Двое оставшихся волков затормозили так резко, что оставили в серебряном мхе глубокие борозды. Искусственный интеллект стаи дал сбой. Программа охоты предусматривала сопротивление, бег, панику. Но она не знала, как реагировать на то, что еда только что аннигилировала их собрата, обратив его в пыль одним движением рук. Голубое пламя в их глазах мигнуло, меняя оттенок на тревожный багровый.

Они переглянулись. Синхронно. Словно переключили невидимый тумблер. Теперь игра закончилась. Началась работа.

Они атаковали одновременно с двух сторон. Никакого рычания, никаких предупреждений — только свист рассекаемого воздуха и лязг выдвигающихся лезвий из суставов.

Паника вернулась, но теперь она была иного рода. Чистая, холодная, расчетливая. Шедоу больше не чувствовал себя офисным планктоном. Страх затопил его, смыв последние барьеры цивилизации, обнажив нечто дикое и первобытное.

— Ну давайте, сукины дети, — прохрипел он. Голос сел, став низким и вибрирующим.

Он выставил руки вперед, принимая стойку, которую подсмотрел когда-то в старых фильмах про фэнтези. Центр тяжести вниз, колени согнуты. Он попытался повторить то самое ощущение сжатия пространства.

Ничего. Только гул крови в ушах. Первый волк прыгнул. Расстояние — пять метров. Три. Один.

В отчаянии Шедоу ударил кулаком по воздуху. — Хватит!

Воздух ответил. Между ним и зверем выросла стена из шестиугольных ледяных плит, похожая на хитиновый панцирь насекомого. Волк врезался в нее плечом. Плиты брызнули острыми осколками, задержав монстра на доли секунды, но стену попросту снесло массой разогнанного тела. Осколки вонзились в обсидиановую кожу, не причиняя особого вреда, лишь приводя тварь в бешенство.

Второй волк зашел слева. Пока Шедоу разворачивался, первый уже восстановил равновесие и бросился вновь. Кладанье зубов прозвучало прямо у уха. Шедоу почувствовал горячее, смердящее металлом дыхание на своей шее.

Он покатился по земле, чувствуя, как лезвие на лапе второго волка вспарывает куртку на спине, чудом не задевая позвоночник. Боль обожгла плечо. Кровь намочила ткань.

Мир сузился до точки. Есть только цель. Движение. Ресурс.

Шедоу схватил с земли острый обломок черного кристалла. Обычный камень. Бессмысленно. Но рука сама сжала его, направляя на ближайшую тварь.

[криокинез][форма: снаряд]

Кристалл в его ладони начал стремительно белеть, теряя структуру и превращаясь в однородную ледяную массу. Шедоу размахнулся из последних сил и метнул импровизированное копьё.

Он вложил в бросок всю свою ненависть к этому миру, к порталу, к дедлайнам и к собственной слабости. Копье просвистело в воздухе, оставляя за собой шлейф изморози. Оно вошло точно в раскрытую пасть прыгающего волка, пробило мягкое небо и вышло через затылок.

Зверь забился в конвульсиях, его неоновое пламя вспыхнуло сверхновой звездой и погасло. Тело упало в полуметре от ног Шедоу, дернулось и начало быстро покрываться инеем изнутри, начиная с раны.

Третий волк остался один. Инстинкты хищника оценили шансы. Два трупа. Один из них заморожен живьем, другой пронзен собственным телом добычи. Человек впереди тяжело

дышал, но его руки светились опасным синим светом, а взгляд больше не выражал страха жертвы. В нем читалась готовность убивать дальше.

Волк издал низкий, вибрирующий вой — сигнал отступления — и растворился в тени дерева так же беззвучно, как и появился.

Наступила тишина. Настоящая, мертвая, тяжелая тишина леса, в котором только что свершилось насилие.

Шедоу стоял посреди поляны, пошатываясь. Левый рукав куртки пропитался кровью из глубокого пореза на предплечье. Плечо ныло. Легкие разрывались. Но он был жив.

Он посмотрел на свои ладони. Они перестали светиться, но кожа оставалась мертвенно-бледной. На кончиках пальцев намерзли маленькие сосульки. Он поднес руку ко рту и выдохнул. Из губ вырвалось облачко пара, несмотря на отсутствие реального мороза. Температура его тела упала минимум на десять градусов.

Магия.

Слово возникло в голове спокойное, обыденное, как диагноз врача. Он маг. Уставший парень с сорокового этажа, питающийся растворимой лапшой, внезапно обнаружил, что может управлять термодинамикой окружающей среды силой мысли. Или чувства. Или чистого ужаса.

Он подошел к первому волку — тому самому, что обратился в пыль. На черном мху осталась лишь небольшая россыпь стеклянной крошки. Шедоу присел на корточки и коснулся пальцем одной крупинки. Она была обжигающе холодной.

Как? Как такое возможно? Всю жизнь он оперировал цифрами в Excel-таблицах, строил графики падения акций и искал баги в коде корпоративных сайтов. Где в этой биографии скрывался криомант?

Ответ пришел сам собой, горький и простой. Ее там не было. Эта сила не принадлежала Максиму-Шедоу. Она принадлежала *этому месту*. Портал не просто перебросил его физическое тело в другую локацию. Он переписал его исходный код. Тот глоток нектара, те удары головой о корни, сам факт пересечения границы миров — все это взломало биологическую защиту человеческого организма и вставило в ДНК новые строки.

Он вспомнил информацию, полученную от листа «Слезы луны». Лес говорил с ним. А сейчас, в момент смертельной опасности, когда адреналин зашкаливал, система открылась. Интерфейс реальности активировался.

Шедоу поднял голову к нефритовому небу. — Значит, вот как это работает, — сказал он вслух. Голос звучал ровно. — Никаких волшебных палочек. Просто системная ошибка мироздания в моем лице.

Плечо напомнило о себе острой вспышкой боли. Рана была серьезной — мышечная ткань была повреждена, и кровь никак не останавливалась, становясь липкой и темной. Если он потеряет сознание здесь, третий волк обязательно вернется, приведя друзей.

Нужно обработать рану. Вернуться к той расщелине с нектаром.

Шедоу поднялся. Тело слушалось плохо, суставы скрипели от перенапряжения. Он доковылял до останков второго волка. Обсидиановая туша теперь была похожа на мраморную статую. Идеальная скульптура агонии. Шедоу провел рукой по гладкой, ледяной поверхности спины погибшего зверя. Шерсти нет. Кожа — природный бронежилет. Мышцы переплетены с металлическими волокнами.

Идеальный материал.

Мысль была настолько чужой и прагматичной, что Шедоу сам испугался. Старый Максим побрезговал бы прикоснуться к мертвой туше. Новый Шедоу достал из кармана мультитул.

Работа заняла двадцать минут. Он работал механически, отстраненно, как патологоанатом. Используя рычаг и вес собственного тела, он выломал одну из задних конечностей зверя целиком, захватив прочный сустав. Костяное лезвие на сгибе осталось острым, как хирургиче-

ский скальпель. Это будет оружие. Гораздо лучше, чем надеяться на перезарядку магии, которая пока подчинялась ему примерно так же, как ядерный реактор обезьяне с гранатой.

Оторвав лоскут от собственной футболки, он максимально туго перевязал порез на руке, остановив кровотечение. Затем, опираясь на новую дубину-пилу, похромал к скале.

Нектар встретил его знакомым ароматом. Шедоу погрузил руки в теплую янтарную слизь. Когда он вытащил их, кожа блестела, словно покрытая лаком. Он зачерпнул полную пригоршню и буквально втер жидкость в рану на плече.

Щипало невероятно. Плоть под воздействием нектара начала регенерировать на глазах — процесс был болезненным и сопровождался сильным зудом. Края раны сошлись, образуя грубый рубец, покрытый той же перламутровой слюдой. Через час слюду можно будет содрать, открыв здоровую розовую кожу. Но подвижность вернется гораздо раньше.

Напившись нектара до легкого опьянения, Шедоу сел у подножия скалы, прижимая к груди трофейную конечность обсидианового волка. Адреналиновый отходняк накрыл его тяжелой, душной волной. Зубы выбивали дробь — не от холода, а от нервного истощения.

Он закрыл глаза, позволяя телу безвольно обмякнуть на пружинящем мху.

Сегодня он должен был умереть трижды. Сначала его должны были переварить ходячие деревья. Потом его должна была выпить сухопутная акула с глазами-прожекторами. И наконец, его должны были разорвать обсидиановые волки.

Но вместо этого он сидит здесь. Он убил двоих голыми руками, заморозив атмосферу вокруг себя. Он чувствует вкус магии на языке. Он понимает язык растений.

Страх никуда не ушел. Он сидел глубоко внутри, свернувшись клубком, и ждал момента слабости. Но поверх него теперь лежал слой чего-то твердого, холодного и острого.

Шедоу открыл глаза и посмотрел на свои руки в лунном свете, пробивающемся сквозь лиловую листву. На коже проступил тонкий рисунок изморози — спираль, идущая от запястья к локтю. Метка инициации.

— Добро пожаловать домой, Макс, — тихо сказал он темноте. — Похоже, твой KPI в этом месяце превысит все ожидания.

Он подтянул колени к груди, используя ногу убитого волка как подушку, и провалился в глубокий, лишенный сновидений сон хищника, успешно защитившего свою территорию. Впервые за долгие годы ему ничего не снилось. Реальность была достаточно кошмарной, чтобы отдых мозга был абсолютным. Впереди была ночь в чужом мире, и Шедоу понимал: это был только первый вдох. Самое глубокое погружение в бездну местной магии еще даже не началось.

Глава 3. Выживание в лесу Вечных Теней

Сон не принес облегчения. Он был черным, вязким колодцем, на дне которого копошились тени обсидиановых волков. Шедоу проснулся от собственного хрипа, резко сев и выставив перед собой костяное лезвие убитой твари. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что казалось, пробьет грудную клетку наружу.

Небо за пределами пещеры сменило цвет с нефритового на глубокий индиго. Источник рассеянного света никуда не исчез — он просто стал тусклее, погрузив лес Вечных Теней в вечные сумерки. Температура упала еще на несколько градусов. Холод здесь имел плотность; он оседал на коже невидимой пленкой изморози.

Шедоу поежился, плотнее запахивая остатки куртки. Рана на плече затянулась полностью, оставив лишь гладкий, глянцевый шрам цвета старого перламутра. Нектар работал безупречно, но сытости не давал. Желудок сводило голодными спазмами так сильно, что к горлу подкатывала тошнота. Протеиновый батончик сиротливо лежал у входа в пещеру. Шедоу смотрел на него как на врага — химический картон казался оскорблением для нового метаболизма, который требовал чего-то живого, теплого и дышащего.

Но охотиться без оружия было самоубийством.

Вчера магия сработала сама — инстинктивный выброс адреналина взломал систему реальности. Сейчас, в спокойном состоянии, повторить это не получалось. Шедоу сидел, скрестив ноги, и пытался воссоздать то ощущение «интерфейса». Он закрывал глаза, дышал глубоко, пытаясь найти внутри себя тот самый центр холода, из которого вчера вырвалась стена льда.

Пустота. Только гул крови в ушах и урчание желудка.

— Давай же, кусок кода, — процедил он сквозь зубы, ударяя кулаком по колену. — Загрузись.

Он вытянул руки вперед, ладони вниз. Представил тетиву. Натянутую до предела, вибрирующую от напряжения. Представил древко стрелы — идеально прямое, острое, выточенное из чистейшего льда.

Ничего. Воздух оставался теплым и неподвижным.

Раздражение перешло в злость. На этот мир, на портал, на самого себя. Злость была эмоцией более чистой и доступной, чем страх или сосредоточенность. Шедоу представил себе одного из вчерашних волков. Их светящиеся синие глаза. Лязг лезвий. Запах озона и смерти. Он захотел, чтобы между его пальцами появилось оружие, способное проделать дыру в черепе этой твари с пятидесяти метров.

Кончики пальцев закололо тысячью иголок. Это было похоже на то, как отсидживаешь ногу, только вместо тяжести пришла стужа. Кожа стремительно побелела. Из центра ладоней начал сочиться густой туман, но не водяной пар, а нечто тяжелое, темное, похожее на жидкий азот. Туман опускался к земле и мгновенно обращал серебряный мох в хрупкое стекло.

[криокинез][состояние: стабильное][мана: 78%]

Слова вспыхнули перед внутренним взором бледно-голубым шрифтом. Мана. Бар ресурса. Семьдесят восемь процентов. Значит, расход есть. Вчера он потратил почти все на стену и снаряд, едва держась на ногах. Сегодняшний сон восстановил большую часть, но резервуар не был бесконечным.

Тетива сформировалась первой — натянутая струна из спрессованного воздуха и микроскопических кристаллов льда. Она гудела низким басом. Затем начало расти древко. Шедоу чувствовал, как холод высасывает тепло прямо из его костей. Кончики пальцев онемели до полной потери чувствительности. Формирование ледяного наконечника потребовало наибольшего усилия — вода в воздухе сопротивлялась уплотнению, стремясь остаться газом.

Когда процесс завершился, в руках у Шедоу лежал лук. Полупрозрачный, синевато-белый, покрытый сложным узором морозных фракталов. Он был невероятно легким, почти невесомым, но при этом излучал смертельный холод — держать его голыми руками дольше нескольких секунд значило заработать обморожение второй степени.

Рядом со луком материализовалась одна стрела. И на этом мана упала до сорока процентов.

Сорок процентов жизни ради одной попытки выстрелить.

Шедоу сглотнул вставший в горле ком. Экономика выживания оказалась жестокой. Если он промахнется, если зверь окажется слишком толстокожим, второго шанса может не быть. Ресурс придется экономить точнее, чем бюджет на квартал в архитектурном бюро.

Он выбрался из расщелины-убежища. Лук пришлось перехватить через рукав куртки, ткань слегка дымилась от соприкосновения с магическим льдом. Стрелу он пока оставил висеть в воздухе рядом с тетивой — она крепилась к ней невидимыми силовыми линиями, готовая сорваться по команде.

Целью послужила старая, полусгнившая колода метрах в тридцати от входа в пещеру. Диаметр примерно с туловище человека. Достаточно массивная, чтобы оценить пробивную силу.

Шедоу встал в стойку, которую видел в фильмах. Левая нога впереди, правая сзади для упора. Он поднял лук, зацепил тетиву импровизированной тетивой из жил того же волка (которую предусмотрительно срезал утром) и натянул.

Руки дрожали. Не от страха — от физического истощения и непривычной нагрузки. Прицелиться оказалось сложнее, чем он думал. Мушка отсутствовала, глазомер городского жителя, привыкшего оценивать расстояния в шагах до метро, сбоил на открытой местности. То, что казалось тридцатью метрами, вполне могло оказаться пятьюдесятью.

Выдох. Задержка дыхания. Плавное ослабление пальцев.

Стрела сорвалась беззвучно. Никакого привычного свиста дерева — только низкочастотный гул рассеяемого замороженного воздуха. Она летела быстрее настоящей деревянной стрелы. Наконечник светился мертвенно-синим светом.

Удар. Колода разлетелась вдребезги. Осколки промерзшей древесины брызнули во все стороны, словно кто-то взорвал внутри бревна гранату. Стрела прошла гниль насквозь, вошла в каменистую почву позади и продолжила движение, зарывшись в землю по самое оперение. От места попадания пошел густой белый пар — колоссальная разница температур превращала влагу в почве в гейзер.

Шедоу опустил лук, тяжело дыша. Попадание в центр. Идеальное убийство. Но бар маны теперь мигал тревожным желтым цветом: *[мана: 15%][предупреждение: критический уровень]*

Одна учебная цель стоила шестидесяти трех процентов резерва. Еще один полноценный залп, и он останется беспомощным куском мяса перед лицом любого хищника. А перезарядка... судя по тому, как медленно восстанавливались силы после нектара, полный бар вернется только после глубокого сна. Магия здесь работала не по правилам видеоигр. Она жрала жизненную энергию.

Нужно было искать альтернативу. Или еду. Голод становился физически болезненным спазмом, выворачивающим внутренности.

Лес вокруг изменился. Деревья стали выше, их кроны смыкались настолько плотно, что поглощали даже рассеянный нефритовый свет. Здесь царили вечные сумерки. Листва приобрела темно-багровый, почти черный оттенок. Воздух пах иначе — прелостью, медью и старым пеплом. Это были Вечные Тени. Место, куда солнечный свет, кажется, никогда не заглядывал.

Шедоу шел, стараясь ступать след в след. Обсидиановое лезвие волка он привязал к длинной прочной ветке кожаным шнурком, превратив в короткое копье-керамбит. Теперь у него было холодное оружие ближнего боя, не требующее маны.

Желудок снова свело. Взгляд цеплялся за любое движение. Вот юркнул в кусты какой-то мелкий грызун с шестью лапками и панцирем на спине. Идеально. Еда.

Шедоу замер. Бросить копье? Потеряешь единственное средство защиты. Подойти ближе? Хищник с шестью ногами наверняка бежит быстрее двуногого примата.

Зверек замер, почувствовав взгляд. Его фасеточные глаза блеснули красным.

Шедоу попытался активировать лук. Интерфейс отозвался лениво, протестуя застоявшейся системной ошибкой. Мана ползла вверх мучительно медленно — сейчас там было восемнадцать процентов. Недостаточно даже для заморозки лужи.

Грызун оскалил три ряда мелких игольчатых зубов и издал звук ломающегося стекла. Из его спины выдвинулись перепончатые крылья. Прежде чем Шедоу успел среагировать, тварь свечой ушла вертикально вверх, скрывшись в багровой листве.

— Чтоб тебя, — выдохнул Шедоу, пнув ни в чем не повинный корень.

Охота провалилась. Оставался только планктон городской цивилизации — собирательство. Он вспомнил вкус листа «Слезы луны» и ту информационную загрузку. Растения здесь говорили, если уметь слушать. Проблема была в том, что большинство из них выглядело крайне недружелюбно. Местный папоротник шевелил листьями-ребрами, отслеживая каждое движение человека, а цветы-кувшины периодически издавали чавкающие звуки, переваривая пойманных насекомых размером с крысу.

Шедоу выбрал куст, чьи ягоды напоминали земную чернику, но светились мягким оранжевым светом. Он протянул руку, повторяя вчерашний трюк с попыткой считывания информации.

«Имя: огонь-ягодник», — прошелестело в голове. Голос леса был сухим и скрипучим. — «Свойство: Термогенез. Внутренняя температура мякоти: плюс восемьдесят градусов Цельсия. Эффект: мгновенный ожог слизистой пищевода третьей степени. Летальная доза: две единицы».

Шебоу отдернул руку так быстро, что потянул плечо. Ягоды грелись сами по себе. Отличный способ согреться ночью, если ты хочешь сварить свои внутренности заживо.

Он бродил около часа, полагаясь на интуицию и редкие подсказки интерфейса. Нашел коренья, которые система пометила как «Съедобно после термической обработки», нашел грибы, растущие прямо на телах мелких мертвых животных («Галлюциноген средней токсичности»), но ничего, что можно было бы съесть прямо сейчас, зубами, разрывая сырую плоть.

Его начала бить крупная дрожь. Холод Теневого леса проникал под кожу. Тонкая ткань спортивных штанов и порванной куртки совсем не спасала от ночной сырости этого измерения. Зубы начали стучать. Гипотермия была вопросом времени.

Ночь наступала стремительно. Нефритовое свечение неба угасало, сменяясь глубоким фиолетовым мраком. Вместе с темнотой приходили звуки. Скрип деревьев больше не звучал умиротворяюще — теперь это был скрежет когтей по металлу. Где-то далеко справа раздался долгий, плачущий вой, переходящий в ультразвук. Шедоу узнал частоту. Так кричат те самые обсидиановые волки, когда загоняют жертву.

Нужно укрытие. Надежное. Желательно с одним входом.

Взгляд упал на нагромождение черных валунов впереди. Массивные плиты базальта образовывали завал, под которым виднелся узкий лаз. Слишком узкий для древесного титана и, возможно, неудобный для широких лап волчьей стаи.

Шедоу подошел ближе, поводя своим костяным клинком из стороны в сторону. Пещера дышала. Из темноты тянуло сквозняком — значит, есть второй выход или хотя бы тяга, что неплохо для отсутствия дыма, но плохо для сохранения тепла.

Пригнувшись, он полез внутрь. Лаз оказался длиной метра в два, заставляя ползти на животе. Локти и колени саднили о шершавый камень. Наконец проход расширился.

Это была скорее широкая трещина в скале, чем полноценная пещера. Высокий потолок терялся во тьме, стены сходились клином. Пол был покрыт толстым слоем сухой трухи и пыли. Зато здесь не было ветра. Абсолютная, глухая тишина давила на барабанные перепонки.

Первым делом Шедоу проверил периметр. Факелов не было, зажигалки тоже — курильщиком он не был. Пришлось использовать магию. *[криокинез][форма: осветительный элемент][стоимость: 2% маны]*

На кончике указательного пальца зажегся маленький голубой шарик, размером с грецкий орех. Он не давал тепла, источая лишь мертвенный люминесцентный свет, но этого хватило, чтобы осмотреться. Углы пещеры были чисты. Следов крупного зверя нет. Есть старые царапины от когтей, но им уже пара месяцев.

Шедоу погасил светлячок, экономя ресурс. Двадцать процентов маны ушли на проверку безопасности и создание источника света. Остаток лучше оставить на утро.

Темнота обрушилась вновь. Шедоу сел на пол, подтянув колени к груди. Холод стал невыносимым. Камень вытягивал тепло из тела, как губка. Дрожь стала непрерывной, мышцы начали сводить судорогами.

Идея пришла внезапно, отчаянная и глупая. Развести огонь. Обычный, химический огонь. Тепло.

Он похлопал себя по карманам. Пусто. Никаких бумажек, кроме смятого чека из кофейни, который выпал из джинсов неделю назад. Сухостой? Да, вокруг полно дров. Но чем поджечь?

Шедоу посмотрел на свои руки. Они посинели от холода. — Думай, Макс, думай. Ты инженер человеческих душ, мать твою. Применяй навыки.

Огонь требует кислорода, топлива и температуры возгорания. У него нет кремня. Но у него есть минус сто градусов на кончиках пальцев. А что происходит, когда экстремальный холод встречается с влагой? Правильно. Резкое сжатие и расширение газов. Искры. Физику никто не отменял, даже в мире магии.

Он подобрал сухую веточку из трухи на полу. Затем взял щепотку серебристого мха, который рос прямо у входа в щель — он принес немного на подошвах кроссовок. Мох был влажным.

Шедоу положил мох на край ветки. Глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь рук. Нужно точечное воздействие. Не поток холода, а импульс. Как искра зажигания.

Он прикоснулся пальцем к мху. *[криокинез][импульс: конденсация]*

Палец коснулся влажной зелени. Произошел микровзрыв. Вода в мхе мгновенно замерзла, расширившись и создав давление. Раздался резкий щелчок, похожий на разряд статического электричества. Во тьме пещеры мелькнула крошечная, ослепительно белая искра.

Мох не загорелся, но высох от вспышки абсолютного нуля. Шедоу попробовал еще раз. Щелк. Еще раз. Щелк.

Пальцы онемели окончательно. Боль от переохлаждения становилась тупой и далекой. Система услужливо подсветила предупреждение: *[общее переохлаждение][статус: критический][мана: 5%]*

Если он продолжит, завтра он не сможет поднять лук. Пальцы просто отвалятся от гангрены или останутся навсегда примерзшими к рукояти.

Но альтернатива — замерзнуть насмерть до утра.

Шедоу сменил тактику. Он перестал пытаться создать искру трением холода. Вместо этого он начал формировать крошечный кусочек абсолютно сухого, прессованного льда. Лед воспламеняется неохотно, но если добавить катализатор...

Он нашел острый выступ камня. Положил на него свою ледяную "искру" и прижал сверху другим камнем. Трение камня о магический лед. Это должно сработать как трение двух кусков кварца.

Первый час попыток закончился ничем, кроме облака ледяной пыли. Второй час стер границу между реальностью и бредом. Шедоу качался из стороны в сторону, монотонно ударяя камнем о камень. Кровь пульсировала в висках. Голод пожирал его изнутри, тело отказывалось генерировать собственное тепло, отдавая последние ресурсы мозгу.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута. Может, вечность.

Внезапно камень в правой руке соскользнул. Шедоу дернулся, пытаясь удержать его, и ударил левым кулаком по острой грани стены.

Звук получился звонким, металлическим. Но главное случилось внизу. От удара костяшки пальцев содрались о камень. Три капли темной венозной крови упали прямо на кучу сухого мха и древесной пыли, которую он собрал для растопки.

И пыль *задымилась*.

Шедоу моргнул, прогоняя черные точки перед глазами. Нет, ему не показалось. Там, где кровь коснулась органики, пошел легкий сизый дымок.

Кровь. Его кровь. Почему она дымится? Он осторожно коснулся раненого костяшка другой рукой. Кровь была горячей. Невыносимо горячей.словно вместо гемоглобина по его сосудам текла лава.

Новая информация всплыла в сознании, горькая и едкая, как желудочный сок: *[дебафф: отторжение эссенции][последствия: гипертермия крови при физическом стрессе][токсичность: высокая]*

Мир пытался его отторгнуть. Организм боролся с внедренной магией, повышая температуру внутренних жидкостей, чтобы буквально сварить чужеродные клетки. В офисе это проявлялось хронической усталостью и субфебрильной температурой 37.2, которая сбивала с толку врачей годами. Здесь, в условиях стресса и голода, защитный механизм превратился в проклятие. Его кровь могла поджечь лес, но она же сжигала его собственные сосуды.

Но сейчас это было благословением. Горячая кровь на сухом топливе. Химическая реакция.

Шедоу сжал раненый кулак, выдавливая драгоценные капли прямо в центр кучки мха. Пара капель. Этого мало. Он полоснул себя по тому же запястью острым краем обсидианового кинжала. Рана раскрылась легко, боль была странной, приглушенной холодом конечностей. Темная, густая кровь полилась ручьем.

Он плеснул ее на труху.

Воздух пещеры наполнился резким запахом железа и жареного мяса. Древесина зашипела, потом затрещала. Маленький красный огонек робко лизнул край сухого листа.

Шедоу рухнул на колени, начав судорожно раздувать пламя, накрыв его ладонями лодочкой, создавая тягу. Легкие болели, втягивая дым.

Огонь занялся. Сначала неуверенно, поедая пропитанную кровью пыль, затем перекинулся на сухие ветки.

Маленький, трепещущий рыжий язычок осветил пещеру.

Свет был живым. Он танцевал на стенах, отбрасывая гигантские, искаженные тени. Он дарил жизнь. Шедоу протянул к нему окоченевшие ладони. Жар ударил по коже, вызывая тысячи иголок — кровотоки возвращались в ткани. Это была самая прекрасная вещь, которую он видел в своей жизни. Краснее любой графики Рендера, теплее любого монитора.

Он подбросил в костер еще пару веток. Пламя загудело, пожирая кислород в тесной щели. Тепло начало заполнять пространство. Впервые за ночь Шедоу смог расслабить сведенные судорогой мышцы живота.

Но вместе с теплом пришел новый враг. Голод. Огонь обнажал реальность. Он сидел в каменном мешке, освещаемый собственной ядовитой кровью и редкими ветками. У него был лук, который стоит шестьдесят процентов жизни за выстрел. У него было копьё, годное лишь

для того, чтобы тыкать в упор. И у него был пустой желудок, который уже начал переваривать сам себя.

Магия дала ему силу, но лишила базовых навыков выживания. Любой деревенский мальчишка в российской глубинке развел бы огонь огнивом за минуту и поставил бы силки на зайца. Шедоу же мог уничтожить батальон спецназа ледяными копьями, но рисковал умереть от банального недоедания в течение следующих суток.

Тепло разморило его. Бой с волками, беготня, эксперименты с маной и многочасовая пытка огнем забрали последнее. Веки налились свинцом. Костер уютно потрескивал, обещая защиту от ночных кошмаров леса.

Сквозь дрему Шедоу услышал звук. Очень тихий. Очень осторожный. Прямо снаружи, у лаза.

Шаркающий переступ тяжелых лап. Звяк. Металл о камень. Обсидиановые волки не носили металла. Древесные титаны не умели ходить тихо.

Шедоу открыл глаза. Сон слетел мгновенно, вымороженный ужасом. Он лежал у дальней стены, скрытый тенью. Костер весело плясал в центре пещеры, ярко освещая вход в лаз. Прекрасный маяк для любого, кто ищет ужин.

Он бесшумно подтянул к себе костяное копьё. Ладони мгновенно вспотели от жара огня, контрастируя с общим холодом тела.

Из темноты лаза, заслонив звезды, показалась голова.

Она была огромной, плоской, как у змеи, но покрытой роговыми пластинами грязно-желтого цвета. Нижняя челюсть выдавалась вперед, обнажая не клыки, а ряды плоских, перетирающих зубов, перемазанных свежей зеленой слизью. Когда существо сделало вдох, края его ноздрей затрепетали, втягивая воздух.

Существо смотрело прямо на огонь. Оно не смотрело на Шедоу. Оно слепо, как крот. Но оно нюхало. И запах горячей человеческой крови, текущей из незаживающей раны на запястье Шедоу, должен был наполнить эту пещеру, как духи.

За головой показались плечи. Массивные, сгорбленные. Передние конечности существа были короткими, атрофировавшимися в темноте, зато задние — мощными, птичьими, заканчивающимися серповидными когтями длиной с локоть Шедоу.

Пещерный Сталкер. Информация загрузилась автоматически, сухая и бесполезная: *«Амбидекстр. Хищник-засадчик. Ориентируется по тепловому следу и вибрации шагов. Панцирь уязвим только в сочленениях шеи».*

Сталкер втянул голову обратно в лаз, прячась во тьме. До слуха Шедоу донеслось только громкое, влажное сопение. Тварь стояла прямо за поворотом, в полутора метрах от его вытянутых ног. Она знала, что он здесь. Она чувствовала пульсацию его перегретой крови. Она просто решала, достаточно ли просторна эта щель, чтобы развернуться для атаки, или ей придется выползти целиком, подставив уязвимую шею.

Шедоу сжал костяную рукоять копья. Мана — пять процентов. Ровно на одну маленькую сосульку. Которая просто отскочит от роговой пластины на лбу этой ящерицы-переростка. Лук доставать бессмысленно — в тесноте пещеры его не натянуть, да и шум тетивы выдаст позицию раньше времени.

Единственный шанс — бросок в сочленение. В ту секунду, когда тварь решит атаковать и поднимет голову, открывая основание черепа.

Время растянулось. Каждый удар сердца отдавался набатом в ушах. Шедоу задержал дыхание, глядя на освещенный проем. Ждал первого движения мышц, первого миллиметра появления бронированной головы.

Жар костра ласкал спину. Впереди стоял первобытный холод смерти. Между ними находился Максим-Шедоу, человек, потерявший свой KPI, свою ипотеку и свое право на ошибку.

Он улыбнулся пересохшими, кровоточащими губами. По крайней мере, замерзнуть ему сегодня точно не грозит.

Глава 4. Свет среди тьмы

Рассвет в лесу Вечных Теней не принес облегчения. Небо лишь сменило оттенок с угольно-черного на густой, свинцово-фиолетовый. Источник света оставался неизменным — рассеянное изумрудное сияние самой атмосферы, холодное и равнодушное, как взгляд глубоководной рыбы.

Шедоу проснулся от того, что его правая рука онемела до состояния деревяшки. Он лежал у дальней стены пещеры, свернувшись калачиком вокруг маленького костра. Ночь прошла относительно спокойно — Пещерный Сталкер так и не решился протиснуться в узкий лаз целиком, предпочтя караулить снаружи. Шедоу знал это по вибрациям земли, которые передавались через камень каждые полчаса: тяжелая туша переступала с лапы на лапу прямо за стеной. Сон в таких условиях превратился в череду поверхностных обмороков.

Костер давно прогорел, оставив после себя горстку серого пепла, пахнущего озоном и медью. Рана на запястье снова открылась во сне. Ядовитая кровь запеклась черной коркой, но под ней пульсировал жар. Организм продолжал бороться с магией этого мира, пытаясь выжечь ее повышенной температурой. Это убивало его медленно, превращая каждую царапину в источник внутреннего пожара.

Первым делом он проверил ману. Бар ресурса показывал удручающие цифры: *[мана: 12%][статус: истощение][дебафф: гипертермия крови (уровень 3)]*

Двенадцать процентов. Хватит на одну ледяную иглу или три секунды защитного барьера. Лук из чистой магии стал бесполезной палкой. Если тварь решит напасть сейчас, придется отбиваться обсидиановым кинжалом, привязанным к палке. Против бронированного гиганта весом в полтонны шансы стремились к отрицательным значениям.

Нужно было уходить. Лаз впереди зиял чернильной пустотой, откуда тянуло запахом мокрой шерсти и аммиака. Сталкер все еще был там. Шедоу подобрал кусок острого базальта и швырнул его в темноту прохода. Звук удара камня о камень эхом ушел вниз, в систему подземных карстов. Секунда тишины. Две. Затем раздался оглушительный рев, переходящий в ультразвук, от которого посыпалась мелкая крошка со свода пещеры. Земля вздрогнула. Сталкер ударил когтями по камню снаружи, выражая свое крайнее недовольство тем, что завтрак решил поиграть в броски камнями.

Выход закрыт. Оставалось только лезть вверх по расщелине, рискуя сорваться навстречу хищнику, или ждать, пока монстр уйдет сам. А существа такого типа обычно охраняют свою территорию сутками.

Шедоу выбрал третий вариант — голодный паралич. Он сел максимально плотно в угол, накрыл голову капюшоном куртки, чтобы сохранить остатки тепла собственного тела, и перестал двигаться. Экономия энергии стала религией. Каждый вдох контролировался, каждый удар сердца казался слишком громким.

Прошло шесть часов. Или шесть дней. В вечном сумраке время теряло смысл. Ревы Сталкера становились реже, затем перешли в недовольное ворчание, а потом стихли вовсе. Запах тоже изменился — зверь ушел искать добычу поспокойнее.

Когда индикатор маны поднялся до тридцати процентов, Шедоу понял, что если останется здесь еще хотя бы час, то просто сойдет с ума от голода. Его метаболизм работал на износ. Ему нужна была еда. Мясо. Живое, теплое мясо.

Он выбрался из пещеры. Мышцы протестующе заныли. Холод Теневого леса мгновенно впился в кожу тысячами иголок. Первым делом Шедоу зачерпнул пригоршню нектара из янтарной лужи у скалы. Золотистая слизь обожгла пищевод привычным теплом, восстанавливая выносливость и очищая разум от тумана истощения. Мана поползла вверх чуть быстрее.

Лес встретил его настороженной тишиной. Здесь никто не пел по утрам. Птиц заменяли кожистокрылые пиявки, спящие на изнанке гигантских листьев. Шедоу двигался бесшумно, используя измененную гравитацию для длинных, скользящих шагов. Обсидиановое лезвие волка он держал наготове. Теперь это был не просто инструмент выживания, а продолжение руки — сбалансированное, покрытое засохшей кровью и руническими насечками, которые проступили на кости после вчерашней ночи.

Он шел на юго-восток, ориентируясь по едва заметному уклону почвы. Интуиция подсказывала, что внизу должна быть вода, а где вода — там жизнь. А где жизнь в этом мире — там либо ужин, либо тот, кто хочет сделать ужином тебя.

Через два часа пути ландшафт начал меняться. Багровые папоротники уступили место деревьям с абсолютно белой, фосфоресцирующей корой. Воздух стал чище, пропали запахи гнили и серы. Появился звук — тихий, мелодичный перезвон, похожий на хрустальные колокольчики. Шедоу замер, вслушиваясь. Звук исходил снизу, из небольшого оврага, скрытого туманной дымкой.

Спустившись по осыпающемуся склону, он увидел источник звука. Это были цветы. Огромные лилии, растущие прямо из камней вдоль русла подземной реки. Их лепестки были сделаны словно из матового стекла, и внутри каждого билось мягкое золотистое сердце. Они звенели, когда ветер касался их тычинок.

Это было самое прекрасное и одновременно самое жуткое зрелище, которое видел Шедоу. Красота здесь всегда была обманом.

Его внимание привлек другой звук. Тихий, влажный хрип. Человеческий.

Инстинкт кричал бежать прочь. Любой звук человеческого происхождения в Вечных Тенях означал неприятности. Но любопытство, этот проклятый драйвер всех его прошлых бедствий, заставило пригнуться и двинуться к краю зарослей белого кустарника.

Картина, открывшаяся ему, напоминала сцену из дешевого фэнтези-боевика, снятого на натуре в канализации. Пятачок утоптанной земли диаметром метров десять. С одной стороны — отвесная стена известняка. С другой — река. Посередине стояла девушка.

Она была одета в лохмотья, бывшие когда-то тяжелым дорожным плащом цвета слоновой кости. Сейчас ткань висела грязными ключьями, пропитанная чем-то темным. На ногах — мягкие сапоги, стертые до дыр. Длинные волосы, некогда светлые, свалились колтунами, перепачканные землей и соком растений. Ей было лет двадцать пять. Лицо, даже искаженное болью и яростью, казалось нечеловечески красивым — высокие скулы, прямой нос, огромные глаза цвета расплавленного серебра.

Ее окружили пятеро существ.

Они походили на людей ровно настолько, чтобы вызывать первобытное отвращение. Ростом около полутора метров, сгорбленные, с непропорционально длинными руками, почти достававшими до земли. Кожа имела болезненный зеленовато-серый оттенок трупного разложения. Уши отсутствовали — вместо них по черепу шли острые хрящевые гребни. Вооружены они были грубыми копьями с наконечниками из заточенного черного стекла и сетями из жил неизвестных животных.

Один из гоблинов метнул сеть. Девушка увернулась с текучей грацией змеи, перекатившись через плечо. Ее движение было идеальным, но она выдохлась. По подбородку стекала струйка крови — прикушенная губа от напряжения. Она вскинула руку, и воздух перед ней пошел рябью, формируя щит из уплотненного ветра. Сеть врезалась в него и бессильно опала.

Маг воздуха. Отлично защищена, но силы на исходе.

Гоблины не спешили лезть под кулаки. Они действовали умно. Разделились. Двое заходили слева, прижимая девушку к реке. Еще двое справа, отрезая путь к отступлению в кусты. Пятый, самый крупный, с ожерельем из человеческих зубов на шее, остался стоять на месте, играя длинным гарпуном. Он командовал процессом, наслаждаясь загонной охотой.

Девушка сделала выпад. Клинок из сжатого воздуха сорвался с ее пальцев, разрезав ближайшего гоблина от ключицы до таза. Тот рухнул молча, пузырясь зеленой жижей. Но маневр стоил ей равновесия. Пока она возвращала руку после выпада, правый фланг атаковал.

Сеть взвилась в воздух. Девушка прыгнула назад, спиной к реке, но ноги поскользнулись на мокрых камнях. Она упала навзничь, ударившись затылком. Щит лопнул с жалобным звоном.

— Нет, — прошептал Шедоу. Слово вырвалось само, прежде чем мозг успел оценить риски.

Пять противников. Один уже мертв. Осталось четверо. У нее нет времени встать. Гарпунщик уже заносил оружие для броска — тяжелого, зазубренного, предназначенного пробивать панцири броненосцев.

Внутри Шедоу что-то оборвалось. Страх смерти отошел на второй план, уступив место холодной, расчетливой ярости. Эти твари нарушили правила игры. Лес может пытаться убить тебя — это закон природы. Но стадные охотники, издевающиеся над одиночкой... это вызывало воспоминания об утренних совещаниях, токсичных менеджерах и корпоративной травле. Старый Максим ненавидел несправедливость. Новый Шедоу считал ее личным оскорблением.

[криокинез][активация: быстрый каст][цель: зональное воздействие][мана: 30% - >5%]

Он не целился. Он просто *ударил* всей оставшейся энергией. Пространство между девушкой и гоблинами превратилось в абсолютный ноль. Воздух замерз раньше, чем испуганные визги успели покинуть глотки тварей. Волна морозной пыли пронеслась по поляне.

Гарпунщик застыл с занесенной рукой. Осколок льда вошел точно в его левый глаз, выйдя через затылочную кость. Остальные трое оказались заключены в персональный холодильник. Их кожа покрылась толстой коркой инея, суставы заблокировало спазмом мгновенного переохлаждения. Они стояли нелепыми статуями, тараща светящиеся красным глаза, пока кристаллизация тканей не достигла мозга.

Тишина вернулась, нарушаемая лишь журчанием воды и звоном стеклянных лилий.

Шедоу пошатнулся. Переход от нуля к пяти процентам маны ощущался как падение самолета. Кровь отхлынула от головы, колени подогнулись. Перед глазами поплыли черные пятна. Он оперся на свой костяной клинок, тяжело дыша открытым ртом. Выдох облачком пара растворился в воздухе.

Девушка приподнялась на локтях. Она смотрела не на поверженных гоблинов. Она смотрела на него. Серебряные глаза расширились от шока, который быстро сменился подозрением. Маг никогда не доверяет другому магу, появившемуся из ниоткуда посреди бойни.

— Ты кто такой? — голос у нее оказался низким, с легкой хрипотцой. Акцент звучал странно, певуче, совсем не похоже на речь жителей мегаполиса.

— Случайный прохожий, — прохрипел Шедоу. Горло пересохло. — Не люблю, когда толпа бьет одного. Особенно если эта толпа похожа на результат неудачного эксперимента по скрещиванию человека с болотной плесенью.

Он попытался выдавить улыбку, но мышцы лица плохо слушались. Адреналин отходил, оставляя после себя ватную слабость.

Гоблины начали таять. Лед, созданный его магией, обладал странным свойством — он не просто замораживал, он вытягивал жизненную силу. Статуи рассыпались в серый песок, который тут же впитался в почву. Через минуту от пятерых охотников осталась лишь кучка одежды и вонючего снаряжения.

Девушка наконец поднялась на ноги. Она двигалась плавно, несмотря на явное сотрясение. Отряхнув ладони от каменной крошки, она внимательно осмотрела Шедоу с ног до головы. Взгляд профессионала оценивал экипировку, хват на оружии, синяки под глазами.

— Прохожие не владеют Аспектом Льда на уровне Архива, — сказала она. — Тем более в Желтой зоне. Как ты прошел Кордоны?

— Сквозь портал в офисном центре, — честно ответил Шедоу. — Меня зовут Шедоу. И понятия не имею, что такое Аспекты и Архивы. Я вчера узнал, что могу делать коктейли из кислорода.

Она моргнула. Недоверие на ее лице дрогнуло, уступая место чему-то вроде профессионального интереса врача к редкому симптому. — Ты Изломанный, — констатировала она. — Свежий проход. Тебя лихорадит. Твоя мана кипит в жилах. Ты должен быть мертв.

— Стараюсь не оправдывать ожидания местной экосистемы, — Шедоу кивнул на реку. — Там есть съедобная рыба? Я не ел сорок восемь часов.

Девушка проигнорировала вопрос о еде. Вместо этого она сделала шаг вперед. Шедоу рефлекторно выставил вперед костяное лезвие. — Спокойно, — тихо произнесла она, поднимая открытые ладони. — Я Кристина. Целитель. Я вижу твою кровь. Она гниет изнутри. Позволь мне помочь, иначе завтра утром твои почки превратятся в щебень.

Целитель. Слово прозвучало музыкой. Шедоу вспомнил тепло нектара, зажившее плечо, но понимал разницу. Нектар залечивал раны плоти. Эта женщина говорила о системе. О том пожаре, что сжигал его изнутри.

— Только без рук, — предупредил он. — Последний, кто пытался меня коснуться ради моего же блага, теперь служит ковриком у входа в мою бывшую пещеру.

Кристина усмехнулась краем рта. Искренне, без страха. — Коврики нам не нужны. Нам нужен огонь и чистая вода. Помоги дотащить этих до берега, нужно проверить их сумки. Еды там нет, но бинты пригодятся.

Следующие полчаса прошли в напряженном сотрудничестве. Шедоу, опираясь на внезапно вернувшуюся силу нектара, перетащил останки сетей и копья. Кристина работала быстро и эффективно. Она распоролa одежду гоблинов, выбирая наименее грязные куски ткани, и промыла их в речной воде. Вода оказалась ледяной и обжигала пальцы, но Кристина даже не поморщилась.

— Садись, — приказала она, указывая на плоский валун у корней белого дерева. — Закатай рукав.

Шедоу подчинился. Он сел, положив костяной клинок на колени. Девушка опустилась перед ним на одно колено. Серебряные глаза потемнели, став почти черными. Она сосредоточилась на его предплечье, туда, где сквозь бледную кожу просвечивали темные вены, пульсирующие неровным ритмом.

— Будет больно, — предупредила она. — Очень. Мне придется выгонять холод твоей собственной искры обратно в каналы. Иначе сожжешь себе нервную систему.

Шедоу кивнул, стиснув зубы. Он привык к боли. Боль от дедлайнов, боль от падения в портал, боль от укуса волка. Очередной приступ его не пугает.

Кристина положила обе ладони поверх его вен. Сначала ничего не происходило. Затем кончики ее пальцев начали светиться. Мягким, теплым золотом, цветом вечернего солнца, которого Шедоу не видел годами. Свет проник сквозь кожу.

То, что случилось дальше, нельзя было описать словами земного языка. Это не было лечением в привычном понимании. Это была хирургическая операция на энергетическом теле, проведенная без анестезии.

Золотое пламя коснулось узла гипертермии в его плече. Шедоу закричал. Это был беззвучный вопль каждой нервной клетки. Жар его отравленной крови встретился с исцеляющим светом Кристины, и произошла аннигиляция. Миллиарды микроскопических льдинок, блуждавших по его капиллярам, начали стремительно плавиться. Процесс сопровождался невыносимым зудом, будто под кожей ползали раскаленные муравьи.

Температура его тела резко подскочила. Куртка начала дымиться. Пот лился ручьями, моментально остывая на прохладном воздухе и покрывая тело соленой коркой. Сердце забилося так часто, что превратилось в сплошной гул.

Кристина давила сильнее. Ее лицо побледнело, на лбу выступили бисеринки пота. Лечение мага-отступника требовало колоссальных затрат сил — ее собственная мана боролась с агрессивной, чуждой структурой внутри пациента. — Держись! — рычала она сквозь сжатые зубы. — Открой каналы! Не сопротивляйся!

Шедоу вцепился пальцами в камень так, что костяшки побелели. Мир сузился до точки соприкосновения их тел. Он почувствовал, как барьеры, которыми его организм пытался защититься от магии этого мира, начинают трещать. Это было похоже на снятие гипсовой повязки вместе с кожей. Болезненно, необходимо, освобождающе.

Золотой поток сменил тактику. Вместо лобового штурма он начал мягко вымывать токсины, выстраивая новые пути для циркуляции энергии. Шедоу почувствовал, как его собственный резервуар маны, тусклый и воспаленный, начинает реагировать на зов Кристины. Его внутренняя синевя лда попыталась оттолкнуть золото, но целительница мягко подавила сопротивление, синхронизируя их ритмы.

Боль достигла пика — ослепительной вспышки сверхновой прямо в основании черепа — и исчезла. Сразу. Резко. Будто повернули рубильник.

Шедоу обмяк, завалившись набок. Легкие жадно втягивали воздух, но дышалось невероятно легко. Впервые с момента попадания в этот мир он сделал глубокий вдох полной грудью, и грудь не отозвалась огнем.

Он посмотрел на свои руки. Вены больше не выглядели черными нитями мертвеца. Они стали нормального розоватого оттенка. Лихорадочный блеск в глазах погас. Температура кожи пришла в норму.

[мана: 85%][статус: стабилизация][адаптация: +4%]

Кристина тяжело вздохнула и села на землю рядом с ним, привалившись спиной к валуну. Она дрожала всем телом. Истощение резерва близко к нулю — классический откат любого сильного лекаря.

— Тебе повезло, что я проходила мимо, — сказала она, закрыв глаза. — Еще сутки, и твоя голова взорвалась бы, как перегретый котел. Что ты пил? До перехода. — Эспрессо. Американо. Иногда энергетики, — машинально ответил Шедоу, массируя виски. Голова кружилась от переизбытка кислорода и отсутствия боли. — Почему кофе убивает магию? — Потому что ваша человеческая химия сужает духовные сосуды, — она открыла один серебряный глаз. — А потом ты прыгаешь в разрыв реальности, давление падает, и сосуды взрываются. То, что ты вообще можешь держать форму льда — чудо. Обычно новички либо становятся овощами, либо бросаются на первого встречного медведя от сенсорной перегрузки. Ты какой-то... неправильный.

— Неправильный — мое второе имя, — Шедоу позволил себе слабую улыбку. — Первое — Уставший.

Он перевел взгляд на ее шею. Под спутанными волосами виднелось украшение — тонкая цепочка из белого металла с подвеской в виде слезинки. Камень внутри подвески мягко пульсировал тем самым золотым светом, которым она лечила. Артефакт-накопитель.

— Спасибо, — сказал он серьезно. — Ты спасла мне жизнь. Второй раз за сутки меня пытаются разобрать на запчасти, и оба раза вмешательство женщины оказывается решающим. Начинаю верить в матриархат.

Кристина фыркнула, не открывая глаз. — Не обольщайся. Я помогла тебе потому, что умирающий Изломанный излучает хаос. Твой нестабильный фон мог привлечь сюда Высших патрульных. А мне лишние проблемы ни к чему. Я просто шла в Новую Гавань.

— Новая Гавань? — зацепился Шедоу. — Город? — Единственное безопасное место на двести лиг вокруг, — она наконец открыла глаза и посмотрела на небо. — Купол сдерживает флору. Внутри есть нормальная еда. Теплые кровати. И Гильдия Охотников, куда тебе прямая дорога. С таким диким выбросом Льда тебя заберут в Академию еще до заката. Станешь винтиком в машине Архимага. Будешь сидеть в башне и охлаждать вино аристократам.

Перспектива стать батареей для чьего-то комфорта Шедоу не прельщала. Вся его предыдущая жизнь состояла из охлаждения чужих амбиций. — А есть другие варианты? — спросил он. — Например, научиться не взрывать собственные почки самостоятельно?

Кристина посмотрела на него внимательнее. Оценивающе. Так смотрят на бродячую собаку, которая показала зубы матерому волку и выжила. — Есть Пути. Те, кто живет вне стен. Рейнджеры, наемники, контрабандисты. Жизнь короче, грязи больше, свободы — сколько унесешь. Судя по тому, как ты смотришь на мой запас сухарей, ты выберешь свободу.

Только сейчас Шедоу вспомнил о своем желудке, который последние часы исполнял симфонию умирающего кита. Сухари. Еда. Реальная, твердая пища. Кристина поняла его без слов. Она достала из поясной сумки завернутый в листья кусок чего-то темного и твердого. Вяленое мясо.

Запах ударил в нос, вызывая спазм слюноотделения. Настоящий белок. Никаких протеиновых батончиков. — Половину, — строго сказала она, протягивая ломоть. — После лечения пищеварение уязвимо. Набьешь брюхо — вывернет.

Шедоу взял мясо двумя руками, как величайшую драгоценность. Текстура была жесткой, волокнистой, вкус — концентрированным, соленным, с нотами каких-то местных специй. Он жевал медленно, стараясь не потерять ни единой крошки. Каждая калория сейчас конвертировалась в выживание.

Пока он ел, Кристина собрала их нехитрые пожитки. Свой рюкзак, выглядевший так, словно побывал в пасти дракона, и трофеи с гоблинов. — Идти сможешь? — спросила она, закрепляя лямки. — До моей стоянки две мили. Там пещера с рунным кругом. Огонь разводить можно, ловушки отпугивают мелкую живность. Переночуешь нормально.

— Смогу, — Шедоу встал. Ноги держали уверенно. Более того — балансировка изменилась. Измененная гравитация больше не казалась чужой; тело приняло новые законы физики как родные. — Кто такие гоблины? Почему они на тебя напали?

— Зеленая поросль, — презрительно бросила Кристина, ступая на тропу вдоль реки. — Мелкие падальщики. Работают на кого-то покрупнее. Скорее всего, это разведка отряда Ордена Расколото Ока. Они ищут Изломанных. Свежая кровь для ритуалов поглощения очень ценится на черных рынках Черной Цитадели.

— Замечательно, — буркнул Шедоу, поправляя ножны из жил. — Значит, моя «свежая кровь» теперь стоит денег. Прекрасный повод начать день.

— Добро пожаловать в Вечные Земли, Шедоу, — она впервые по-настоящему улыбнулась, и лес вокруг словно стал немного светлее. — Здесь всё имеет цену. Включая дыхание.

Они пошли вдоль реки. Кристина впереди, задавая темп. Шедоу следом. Несмотря на усталость, недавнюю смерть от истощения и перспективу встречи с Орденом Расколото Ока, он чувствовал небывалый подъем. Дело было не только в исцелении. Дело было в другом человеке.

За последние дни лес пытался его переварить. Растения, титаны, волки, ящерицы — все видели в нем лишь питательную биомассу. Кристина увидела угрозу, проанализировала ее, устранила препятствия, а затем потратила остатки своих сил, чтобы починить сломанную деталь. Просто потому, что так было правильно. Или удобно. Или выгодно. Неважно. Главное — она была человеком. Логичным, циничным, вооруженным до зубов, но человеком.

Впервые с момента падения в портал Шедоу почувствовал себя не куском мяса в блендере, а частью чего-то большего. Экосистема приняла его, наградив силой, но именно встреча с другим игроком дала этой силе вектор.

— Кристина, — окликнул он, перешагивая через поваленное светящееся дерево. — Этот твой Аспект... Исцеления. Он ведь работает не только на людях?

Она обернулась, приподняв бровь. — Зависит от оплаты. У меня осталось два золотых имперIALа и желание поспать двенадцать часов подряд. Предлагай.

— Предлагаю сделку, — Шедоу догнал ее, поравнявшись шагом. — Ты учишь меня отличать ядовитые грибы от полезных. И объясняешь, почему местный мох поет фальцетом. А я буду идти сзади и морозить любую тварь, которая решит, что обед важнее дипломатии. Мой лук заряжается бесплатно, пока есть хоть капля маны.

Кристина остановилась. Она смерила его долгим взглядом, сканируя своим целительским даром, заглядывая глубже, чем позволяли приличия. Проверяла ложь. Проверяла безумие. — Ты понимаешь, что партнерство в Диких Землях означает разделение последнего глотка воды? — спросила она тихо.

— В моем мире партнеры воровали мои идеи и получали премии, пока я получал инсульты, — усмехнулся Шедоу. — Твои условия звучат гораздо честнее.

Она хмынула, развернулась и пошла дальше. — Тогда шевели ногами, Макс. Скоро закат, а ночью Речной Кракен выходит на поверхность. Надеюсь, ты умеешь замораживать воду в объеме.

— Макс? — удивился он, ускоряя шаг. — Меня зовут... — Шедоу? — перебила она, не оборачиваясь. — Прозвище для трусливых убийц из подворотен. А судя по тому, как ты смотрел на звезды, когда думал, что я не вижу, тебя зовут Максим. Максим звучит надежнее. Больше подходит человеку, способному превратить болото в каток одним щелчком пальцев.

Максим. Имя показалось чужим, забытым, принадлежащим кому-то другому. Человеку в сером костюме, стоящему в пробке на МКАД. Но спорить не хотелось. — Как скажешь, Крис, — бросил он. — Ведите, проводник.

Она лишь качнула головой, пряча очередную улыбку. Белый лес смыкался над ними сво- дом, звон стеклянных лилий провожал двух путников, идущих на юг, к огням цивилизации, которых один отчаянно избегал, а другая называла единственным спасением. Впереди было две мили относительной безопасности и целая жизнь, состоящая из неизведанных опасностей. Но теперь он был не один.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.